

8550 24446. РЛТ. нем. преле

1288

Проверено 1981 г. 76

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

И. Картьевъ.

**французскіе
политическіе писатели
XVIII вѣка.**

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь“
Ростовъ н-Д.

Дозволено цензурою г. Ростовъ на Дону, 28 Іюня 1905 года.
Типографія Ф. Павлова.

Французскіе политическіе писатели

XVIII вѣка*).

Изучая исторію политическихъ движеній и идей съ конца XVIII вѣка, нужно постоянно имѣть въ виду, что на все ихъ развитіе громадное вліяніе оказали два французскихъ писателя, Монтескье и Руссо, главныя сочиненія которыхъ: «Духъ Законовъ» и «Общественный Договоръ» съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ величайшаго вниманія. Менѣе ихъ знаменитъ третій политическій писатель, бывший современникомъ обоихъ, Мабли, взгляды котораго, такъ сказать, занимали середину между взглядами Монтескье и Руссо. Всѣ они занимались вопросомъ о наилучшемъ устройствѣ государства, и каждый рѣшалъ этотъ вопросъ по своему, сходясь только на мысли о необходимости привлеченія общественныхъ силъ къ дѣламъ правленія. Рядомъ съ ними въ то же время дѣйствовали въ литературѣ экономисты—фізіократы, занимавшіеся вопросомъ о наилучшемъ устройствѣ народнаго хозяйства, но они не были сторонниками политической свободы. Въ настоящее время идеи французскихъ политическихъ писателей и экономистовъ имѣютъ, разумѣется, только историческое значеніе: многое въ ихъ взглядахъ опровергнуто, во многомъ государственныя науки и политическая экономія ушли дальше, но изъ-за этого не слѣдуетъ забывать, что, какъ-никакъ, а все-таки названные мыслители являются родоначальниками многихъ идей, которыя XVIII-й вѣкъ завѣщалъ XIX-му, а XIX-й—XX-му.

*) Настоящій очеркъ заимствованъ съ сокращеніями изъ главъ XXI, XXII и XIV первой части „Курса новой исторіи“ (С.-ПБ., 1899), которая сама является сильно сокращеннымъ извлеченіемъ изъ II и III томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“.

І. Монтескье и „Духъ Законовъ.“

Карль-Людовикъ Монтескье де ла Бредъ родился въ 1689 г. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи и по наслѣдству отъ своего дяди получилъ мѣсто въ бордосскомъ парламентѣ*), гдѣ былъ сначала совѣтникомъ (1714 г.), а потомъ президентомъ (1716). Впослѣдствіи, однако, онъ оставилъ эту должность, продавъ ее за деньги (1726). Въ 1728 г. онъ сдѣлался членомъ французской академіи и отправился путешествовать и посѣтилъ Германію, Австрію, Венгрію, Италію, Швейцарію и Англию. Возвратившись на родину, онъ жилъ, главнымъ образомъ, какъ кабинетный ученый, работая надъ важнѣйшимъ своимъ трудомъ, «Духомъ Законовъ». Умеръ Монтескье въ 1755 г., достигши шестидесятилѣтняго возраста. Въ послѣдніе годы жизни онъ почти ничего не писалъ, наслаждаясь европейскою славою, какую доставило ему его главное сочиненіе.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Монтескье были «Персидскія письма**»), представляющія изъ себя сборникъ писемъ, которыя яко бы были написаны персидскими путешественниками по Европѣ. Персіане путешествуютъ въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV и въ первые годы регентства, что даетъ Монтескье поводъ высказаться о системѣ покойнаго короля. Изображая французскую монархію, какъ восточную деспотію, въ одномъ мѣстѣ онъ высказываетъ республиканскія воззрѣнія, отъ которыхъ позже онъ отказался. Именно въ письмахъ XI—XIV излагается исторія троглодитовъ, умертвившихъ своего короля, перебившихъ всѣхъ сановниковъ и наконецъ истребившихъ другъ друга, остались только два добродѣтельныхъ челоуѣка, отъ которыхъ произошло новое, добродѣтельное же племя, жившее

*) Такъ назывались во Франціи судебныя палаты.

***) Есть въ русскомъ переводѣ, изданномъ Пантелѣевымъ.

долго въ невинности и благочестіи; когда троглодиты размножились, они выбрали въ короли одного добродѣтельнаго старца, на котораго, однако, это произвело тягостное впечатлѣніе, и онъ даже заплакалъ, собираясь умереть съ горя отъ того, что ему пришлось видѣть, какъ троглодиты, которые были свободны, когда онъ родился, попадаютъ теперь въ неволю. Такимъ образомъ, Монтескье, который впоследствии доказывалъ, что лишь въ однѣхъ монархіяхъ возможна свобода, въ эпоху «Персидскихъ писемъ» отождествлялъ установленіе королевской власти съ введеніемъ политическаго рабства.

Вторымъ крупнымъ произведеніемъ Монтескье было «Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ», написанное на историческую тему, но съ точки зрѣнія политика. Исходя изъ той идеи, что у людей во всѣ времена были однѣ и тѣ же страсти, онъ хотѣлъ найти основныя причины историческихъ перемѣнъ, какъ бы послѣднія ни разнились между собою, и думалъ достигнуть этого, изучая именно дѣйствіе страстей въ исторіи. То, что было начато «Разсужденіемъ», было завершено главнымъ трудомъ Монтескье «Духомъ законовъ»*)

Надъ этимъ трудомъ Монтескье работалъ цѣлыя двадцать лѣтъ, начавъ эту свою книгу въ 1729 г. и выпустилъ ее въ свѣтъ въ 1748 г. Онъ собралъ громадный историческій и этнографическій матеріалъ, на основаніи котораго строилъ свои заключенія или которымъ иллюстрировалъ и доказывалъ свои положенія. Онъ стремился открыть законы или „необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей“, для человѣческаго общества и въ этомъ отношеніи былъ однимъ изъ предшественниковъ новѣйшей социологіи, хотя слово „законъ“ употреблялось у него далеко не въ научномъ смыслѣ, такъ какъ въ одномъ и томъ же понятіи онъ смѣшивалъ законы разума, законы природы и законы въ юридическомъ смыслѣ. Общая точка зрѣнія Монтескье—

*) Равнымъ образомъ существуетъ въ русскомъ переводѣ и тоже въ изданіи Пантелѣева.

раціоналістическая: „есть, говорить онъ, первичный разумъ, и законы суть отношенія, существующія между нимъ и разными существами, и взаимнаго отношенія этихъ существъ, нужно, прибавляетъ онъ, признать отношенія справедливости, предшествующія положительному закону, который ихъ устанавливаетъ“. Конечно, эти заявленія имѣютъ чисто раціоналістическій характеръ. „Законъ, вообще, говоритъ еще Монтескье, есть человѣческій разумъ, поскольку онъ управляетъ всѣми народами земли, а политическіе и гражданскіе законы каждой націи должны быть лишь частными случаями приложенія этого человѣческаго разума“. Въ сущности, однако, Монтескье разсматриваетъ политическіе и гражданскіе законы, лишь какъ слѣдствія разныхъ условій, въ зависимости отъ которыхъ слагается историческая жизнь народа. По его представленію, законы возникаютъ не по человѣческому произволу, а суть результаты дѣйствія многихъ факторовъ, каковы природа страны, ея климатъ (вліяніе климата—любимая тема Монтескье), образъ жизни ея населенія, нравы, обычаи, правительственная форма, религія (которую Монтескье разсматриваетъ, какъ всякое другое учрежденіе) и т. п. Совокупность всѣхъ этихъ отношеній онъ и назвалъ „духомъ законовъ“. Въ частности онъ является здѣсь историкомъ и юристомъ. Кромѣ того, Монтескье касается практическихъ вопросовъ государственнаго междунаго, гражданского и уголовного, полицейскаго и финансоваго права, благодаря чему „Духъ законовъ“ сдѣлался настольною книгою для государственныхъ людей XVIII в. Недаромъ, напримѣръ, Екатерина II, составляя свой знаменитый „Наказъ“, обобрала, какъ она сама выражается, президента Монтескье, повторивъ въ этомъ своемъ произведеніи множество мѣстъ изъ его «Духа законовъ».

Въ своемъ политическомъ ученіи Монтескье является сторонникомъ монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ эпоху сословно-представительныхъ учрежденій или въ современной ему Англіи. Дѣля всѣ государства на республиканскія, монархическія и деспотическія,

онъ разумѣеть подѣ монархіей такое правленіе, гдѣ «править одинъ, но на основаніи опредѣленныхъ и установленныхъ законовъ», которые и называются у него основными законами, причемъ, по его мнѣнію, для того, чтобы образовать монархическое правленіе, нужны еще «посредствующія, подчиненныя и зависимыя власти». Такую власть Монтескье видитъ прежде всего въ сословіи, къ которому принадлежалъ самъ: «самымъ естественнымъ» онъ признаетъ, чтобы это мѣсто занималось въ государствѣ дворянствомъ и говоритъ, что «гдѣ нѣтъ монарха, тамъ нѣтъ дворянства, и гдѣ нѣтъ дворянства, тамъ нѣтъ монарха, а есть только деспотъ». Кромѣ дворянства, онъ считалъ нужнымъ въ монархіи существованіе еще особаго «хранилища законовъ» въ видѣ политическихъ корпорацій, которыя объявляютъ законы, когда они изданы и напоминаютъ о нихъ, если они забываются. «Невѣжество, свойственное дворянству, говоритъ онъ, его нерадѣніе, его презрѣніе къ гражданской службѣ требуютъ, чтобы существовала корпорація, которая постоянно извлекала бы законы изъ-подъ пыли, подѣ которою въ противномъ случаѣ они были бы погребены». Не называя учрежденія, Монтескье здѣсь разумѣеть, конечно, парламенты, въ одномъ изъ которыхъ онъ самъ занималъ должности совѣтника и президента.

Монархистъ и аристократъ, Монтескье былъ вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдникомъ индивидуальной и политической свободы. Этому предмету онъ посвятилъ XI и XII «книги» «Духа законовъ», разсмотрѣвъ въ одной «законы, образующіе политическую свободу въ ея отношеніи къ государственному устройству», а въ другой—отношеніе свободы къ гражданину. Въ послѣднемъ смыслѣ свобода, по его опредѣленію, заключается въ личной безопасности или въ увѣренности касательно этой безопасности: все содержаніе XII «книги» относится къ огражденію личныхъ правъ, и съ этой же точки зрѣнія Монтескье разсматриваетъ свободу и въ ея отношеніи къ государственному устройству. Указавъ на то, что слову «свобода» даются самыя разнообразныя значенія,

онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія власти народа съ свободою народа. «Свободу, говоритъ онъ, обыкновенно помѣщаютъ въ республикахъ, и думаютъ, что ея не существуетъ въ монархіяхъ. Дѣйствительно, продолжаетъ онъ, въ демократіяхъ народъ, повидимому, дѣлаетъ все, что хочетъ, но политическая свобода вовсе не въ томъ заключается, чтобы дѣлать все, что захочешь. Въ государствѣ, т.-е. въ обществѣ, имѣющемъ законы, свобода можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы имѣть возможность дѣлать то, чего должно хотѣть, и не быть принуждаемымъ къ дѣланію того, чего не должно хотѣть... Свобода есть право дѣлать все, что дозволяютъ законы, и если бы гражданинъ могъ дѣлать то, что ими запрещается, не могло бы больше быть свободы, ибо и другіе точно также имѣли бы подобную власть». Давъ такое опредѣленіе свободы, Монтескье высказываетъ мысль, что возможно бываетъ она лишь въ монархіяхъ. «Демократія и аристократія, говоритъ онъ, не суть государства свободныя по самой своей природѣ. Политическая свобода встрѣчается лишь при умѣренныхъ правленіяхъ. Но она и не всегда бываетъ въ умѣренныхъ государствахъ: она существуетъ въ нихъ лишь тогда, когда не происходитъ злоупотребленія властью». Разсуждая такимъ образомъ, Монтескье имѣлъ въ виду античныя и современныя ему республики, въ которыхъ не было раздѣленія и равновѣсія властей, считавшагося имъ за главную гарантію свободы. «Дабы не могло быть злоупотребленія властью, продолжаетъ онъ, чтобы вслѣдствіе самаго расположенія вещей одна власть сдерживала другую. Государственное устройство можетъ быть таково, что никто не будетъ принуждаемъ дѣлать вещи, которыхъ законъ не обязываетъ его дѣлать,— и никому не будетъ препятствовать дѣлать то, что законъ ему разрѣшаетъ». Ученіе о равновѣсіи отдѣленныхъ одна отъ другой властей—центральный пунктъ политической теоріи Монтескье: эту-то мысль онъ и развиваетъ въ знаменитой шестой главѣ XI книги, носящей титулъ—«объ англійской конституціи». Хотя уже давно указывали на то,

что большую часть изложенныхъ здѣсь принциповъ авторъ «Духа законовъ» заимствовалъ изъ «Трактата о правительствѣ» Локка, кромѣ того, для ученія Монтескье находили и иные источники, но во всякомъ случаѣ въ Англіи, гдѣ дѣйствительно оно имѣетъ свое начало, тѣмъ не менѣе полное свое развитіе идея раздѣленія властей получила лишь въ «Духѣ законовъ» Монтескье, и не только была принята отъ него въ многія книги по государственному праву, какъ самое основное правило политики, послуживъ и для самихъ англичанъ руководящею идеей при разработкѣ теоріи ихъ конституціи, но даже легла въ основу политическаго законодательства въ эпоху французской революціи, когда было даже заявлено, что государство безъ раздѣленія властей не имѣетъ конституціи (въ томъ новомъ значеніи, какое получило тогда послѣднее слово).

Было время, когда сами англичане думали, что изображеніе англійской конституціи, сдѣланное Монтескье на нѣсколькихъ страницахъ указанной главы, вполне совпадаетъ съ дѣйствительностью, но въ настоящую минуту историки сильно критикуютъ «Духъ законовъ» съ этой стороны, имѣя на то, дѣйствительно, весьма вѣскія основанія. Указавъ въ главѣ 5, что въ мірѣ есть нація, ставящая прямою цѣлью своей конституціи политическую свободу, Монтескье обѣщаетъ разсмотрѣть принципы, на которыхъ она основывается, но онъ не даетъ при этомъ подробнаго описанія этой конституціи, не рассказываетъ ея исторіи, не приводитъ ея главныхъ законоположеній, не иллюстрируетъ своихъ тезисовъ историческими примѣрами, ходячими формулами англійскаго государственнаго права, заявленіями государственныхъ людей и писателей Англіи, о ея конституціи или объ отдѣльныхъ частяхъ и сторонахъ послѣдней. Монтескье не только проглядѣлъ многія важныя особенности англійскаго государственнаго устройства, но и представилъ его, какъ цѣлое, не въ надлежащемъ свѣтѣ, потому что списывалъ свое изображеніе не съ самаго предмета, а съ политической теоріи Локка, которая, конечно, не одно и то

же, что дѣйствительная англійская конституція. Не при- ступая еще къ пересказу воззрѣній Монтескье, мы отмѣтимъ, что онъ проглядѣлъ коронныхъ судей, дѣйствующихъ рядомъ съ присяжными, проглядѣлъ парламентарное министерство, или кабинетъ, какъ комитетъ большинства «законодатель- наго учрежденія», пользующійся исполнительною властью, проглядѣлъ, наконецъ, и англійское мѣстное самоуправленіе, играющее такую роль въ исторіи англійской политической свободы, и многое изъ того, что онъ такимъ образомъ про- глядѣлъ или чего не зналъ, какъ-разъ противорѣчить его общему представленію о строгомъ раздѣленіи властей въ Англии. Вопреки завѣреніямъ Монтескье, въ этой странѣ скорѣе произошло, наоборотъ, сосредоточеніе верховной власти въ парламентѣ, такъ какъ парламенту принадлежала законодательная власть, а въ извѣстныхъ случаяхъ и власть судебная; исполнительная же власть, которую Монтескье отдаетъ королю, была на дѣлѣ въ рукахъ министровъ, за- висѣвшихъ отъ парламентскаго большинства. Но если изображеніе англійской конституціи, сдѣланное въ «Духѣ законовъ», не соответствовало дѣйствительности, то въ немъ дана была цѣлая система принциповъ, оказавшихъ силь- ное вліяніе на политическую мысль и политическое зако- нодательство послѣдующаго времени. Именно Монтескье выдвигаетъ на первый планъ ту идею, что правильное государственное устройство должно гарантировать личную неприкосновенность. Указанная система принциповъ кажется Монтескье приложимою повсюду, и какъ-разъ то обстоя- тельство, что авторъ «Духа законовъ» изображалъ не на- стоящую англійскую конституцію съ всѣми ея корнями въ прошломъ страны, со всѣми ея основаніями въ социальномъ строѣ, нравахъ и привычкахъ націи, а совершенно абстракт- ную схему, какъ бы продиктованную самимъ разумомъ,—и было причиною того, что его пониманіе конституціи могло сдѣлаться предметомъ пропаганды. Если отступленіе фран- цузской монархіи отъ ея «традиціонной конституціи» дол- жно было разсматриваться, какъ ея порча, ведущая къ

деспотизму, то и съ точки зрѣнія теоріи, изложенной въ кн. XI гл. 6 «Духа законовъ», абсолютная королевская власть во Франціи должна была казаться узурпаціей.

Таковъ характеръ главы, которую мы теперь изложимъ, по возможности, словами подлинника.

«Въ каждомъ государствѣ, говоритъ Монтескье, есть троякаго рода власть: власть законодательная, власть исполнительная въ дѣлахъ, относящихся къ области международного права, и власть исполнительная въ дѣлахъ, касающихся гражданскаго права». Эту послѣднюю власть онъ предлагаетъ назвать судебною, а предшествующую ей просто исполнительной властью въ государствѣ. «Политическая свобода въ гражданинѣ, продолжаетъ Монтескье, есть то спокойствіе духа, которое происходитъ отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности, а для того, чтобы обладать этой свободой, надо, чтобы правительство было таково, чтобы ни одному гражданину не пришлось бояться другого. Если въ рукахъ одного и того же лица или учрежденія власть законодательная соединена съ исполнительной,—свободы не существуетъ, такъ какъ можно бояться, чтобы одинъ и тотъ же монархъ или одинъ и тотъ же сенатъ не создавали тираническихъ законовъ для того, чтобы самимъ же ихъ приводить въ исполненіе тираническимъ образомъ. Нѣтъ свободы и въ томъ случаѣ, если власть судебная не отдѣлена отъ законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена съ законодательною властью,—власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольной: ибо судья былъ бы законодателемъ. Если бы она была соединена съ исполнительной властью, судья могъ бы имѣть силу притѣснителя. Все было бы потеряно, если бы одинъ и тотъ же человекъ, или одна и та же корпорація начальниковъ, или знати, или народа распоряжалась всѣми тремя видами власти: властью создавать законъ, властью приводить въ исполненіе общественныя рѣшенія и властью судить преступленія и разрѣшать тяжбы частныхъ лицъ». Вотъ теоретическія основанія всей системы

Монтескье. Судебную власть онъ прямо не совѣтуетъ «вручать постоянному сенату: она должна находиться въ рукахъ людей, взятыхъ изъ среды народа въ опредѣленное время года, способомъ, предписаннымъ закономъ, для образованія суда, который дѣйствовалъ бы лишь столько времени, сколько требуетъ необходимость. Такимъ образомъ, говоритъ Монтескье, судебная власть, которая кажется такой страшной въ глазахъ людей, не будучи болѣе исключительнымъ достояніемъ ни извѣстнаго сословія, ни извѣстной профессіи, становится, такъ сказать, незамѣтной и несуществующей: судей постоянно предъ глазами нѣтъ, и начинаютъ бояться учрежденія, а не лицъ, его составляющихъ. Нужно даже, чтобы, въ случаѣ особенно важныхъ обвиненій, обвиняемый самъ выбиралъ своихъ судей, или, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ — могъ отвести настолькоъ значительное число изъ нихъ, чтобы оставшіеся могли считаться судьями по его выбору». Вотъ здѣсь мы и видимъ изображеніе англійскаго суда присяжныхъ съ полнымъ отсутствіемъ коронныхъ судей. Что касается до двухъ другихъ видовъ власти, то Монтескье ихъ отдаетъ въ руки «постоянныхъ правительственныхъ лицъ или учреждений, такъ какъ эти виды власти не затрагиваютъ интересовъ частнаго лица, представляя изъ себя не что иное, какъ первый—только общую волю государства, а второй—исполненіе этой воли». Первая отдается имъ народному представительству, вторая — монарху. «Такъ какъ, разсуждаетъ Монтескье, въ свободномъ государствѣ всякій, имѣющій свободную душу, долженъ былъ бы быть управляемъ самъ собою, то слѣдовало бы, чтобы весь народъ въ полномъ своемъ составѣ обладалъ законодательной властью; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ, а въ маленькомъ сопряжено со множествомъ неудобствъ, то нужно, чтобы народъ при посредствѣ своихъ представителей дѣлалъ то, чего самъ дѣлать не въ состояніи. Люди знаютъ нужды собственнаго города гораздо лучше, чѣмъ нужды другихъ городовъ, и о способности своихъ сосѣдей судятъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ о

способностяхъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Поэтому не слѣдуетъ, чтобы члены законодательнаго учрежденія были взяты безразлично изъ всей націи: надо, чтобы въ каждомъ главномъ мѣстѣ жители выбирали себѣ представителя... Всѣ граждане, говоритъ Монтескье нѣсколько далѣе, въ различныхъ округахъ должны пользоваться правомъ голоса при выборѣ представителя, за исключеніемъ тѣхъ, которые находятся въ такомъ приниженіи, что не могутъ считаться имѣющими собственную волю». Но въ Англіи, кромѣ палаты общинъ, которую въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду Монтескье, есть еще верхняя палата, которая должна была соотвѣтствовать и аристократическимъ его симпатіямъ, и вотъ какъ онъ мотивируетъ ея существованіе. «Въ каждомъ государствѣ есть люди, отличающіеся своимъ происхожденіемъ, богатствомъ или почестями; если бы они были смѣшаны съ народомъ, и если бы у нихъ, наравнѣ со всѣми другими, былъ только одинъ голосъ, общая свобода сдѣлалась бы ихъ рабствомъ, и у нихъ не было бы никакого интереса ее защищать, такъ какъ большая часть рѣшеній была бы противъ нихъ. Поэтому участіе ихъ въ законодательствѣ должно быть пропорціонально прочимъ преимуществамъ, которыми они пользуются въ государствѣ, а это произойдетъ, если они образуютъ особое учрежденіе, которое имѣло бы право останавливать предпріятія народа, подобно тому, какъ народъ имѣетъ право останавливать ихъ предпріятія... Корпорация знати должна быть наследственной. Она наследственна, во-первыхъ, по самому своему существу, и во-вторыхъ, необходимо, чтобы она имѣла очень большой интересъ въ сохраненіи своихъ прерогативъ, ненавистныхъ самимъ по себѣ, а въ свободномъ государствѣ тѣмъ болѣе подверженныхъ постоянной опасности». Наконецъ, исполнительная власть отдается у Монтескье монарху, такъ какъ эта часть правленія, требуя почти всегда быстрого дѣйствія, завѣдуется лучше однимъ человѣкомъ, чѣмъ многими, тогда какъ то, что зависитъ отъ законодательной власти,

часто лучше ведется многими, чѣмъ однимъ. Если бы не было монарха, и исполнительная власть была бы вручена извѣстному числу лицъ, взятыхъ изъ законодательнаго учрежденія, свободы бы больше не существовало, такъ какъ объ власти были бы соединены вслѣдствіе того, что одни и тѣ же лица принимали бы иногда и всегда могли бы принимать участіе въ обѣихъ». Вотъ въ этомъ разсужденіи Монтескье и видно, что онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на кабинетъ, существованіе котораго въ Англіи, ни малѣйшимъ образомъ не противорѣчащее политической свободѣ, опровергаетъ разсужденіе Монтескье.

Указавъ на необходимость періодическихъ созывовъ законодательнаго учрежденія и на необходимость періодическихъ обновленій его состава, Монтескье разсматриваетъ далѣе взаимныя отношенія обѣихъ властей. «Законодательное учрежденіе, говоритъ онъ, отнюдь не должно собираться само собою, ибо всякое учрежденіе только тогда считается имѣющимъ волю, когда оно находится въ сборѣ, и если бы оно не собиралось единодушно, нельзя бы было сказать, которая изъ его двухъ частей составляетъ настоящее законодательное собраніе: та ли, которая находилась въ сборѣ, или другая. Если бы оно имѣло право само себя отсрочивать, то могло бы случиться, что оно никогда бы себя не отсрочивало, а это было бы опаснымъ въ томъ случаѣ, если бы оно сдѣлало покушеніе противъ исполнительной власти... Поэтому необходимо, чтобы исполнительная власть опредѣляла время засѣданія и продолжительность собраній, сообразно съ обстоятельствами, которыя ей извѣстны. Если исполнительная власть не имѣетъ права останавливать предпріятія законодательнаго учрежденія, послѣднее будетъ деспотическимъ; ибо такъ какъ оно будетъ въ состояніи дать себѣ всю ту власть, какая ей можетъ вздуматься, то она уничтожитъ всѣ остальные власти. Но не слѣдуетъ, чтобы законодательная власть съ своей стороны имѣла право останавливать исполнительную: такъ какъ исполнительная власть, по самой сущности своей, есть власть

ограниченная, то ее ограничивать бесполезно, не говоря уже о томъ, что исполнительная власть дѣйствуетъ только по отношенію къ вещамъ преходящимъ. Но если въ свободномъ государствѣ законодательная власть не должна имѣть право останавливать власть исполнительную, она имѣетъ право и должна имѣть возможность слѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ законы, которые она создала, были приведены въ исполненіе... Каковъ бы, однако, ни былъ этотъ контроль, законодательное учрежденіе ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть права судить личность, а слѣдовательно и поведеніе того, который исполняетъ. Его особа должна быть священна, ибо она необходима государству для того, чтобы законодательное учрежденіе не сдѣлалось въ немъ тираническимъ: съ того момента, когда она была бы предана обвиненію и суду, свободы больше не существовало бы. Въ подобнаго рода случаяхъ государство было бы не монархіей, но несвободной республикой. Но такъ какъ тотъ, кто исполняетъ, не можетъ ничего дурно исполнять безъ дурныхъ совѣтниковъ, которые ненавидятъ законы, какъ министры, хотя эти законы и защищаютъ ихъ, какъ людей, послѣдніе (т.-е. эти совѣтники) могутъ разыскиваться и наказываться»... «Исполнительная власть, говоритъ Монтескье нѣсколько далѣе, должна принимать участіе въ законодательствѣ черезъ свое право останавливать; безъ этого она скоро будетъ лишена своихъ прерогативъ. Но если законодательная власть принимаетъ участіе въ исполненіи, исполнительная власть равнымъ образомъ погибнетъ. Если бы монархъ принималъ участіе въ законодательствѣ черезъ право постановлять, свободы болѣе не существовало бы. Но такъ какъ тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы онъ для своей защиты имѣлъ участіе въ законодательствѣ, надо, чтобы онъ принималъ въ немъ участіе чрезъ право останавливать»... «Вотъ основное устройство того правленія, о которомъ мы говоримъ,—читаемъ мы въ заключительной части главы:—законодательное учрежденіе составлено изъ двухъ частей, которыя, въ силу права останавливать другъ

друга, будутъ другъ друга удерживать. Обѣ будутъ связаны исполнительною властью, которая, съ своей стороны, будетъ связана законодательною. Эти три власти должны бы были находиться въ состояніи покоя или бездѣйствія, но такъ какъ неизбѣжнымъ ходомъ вещей онѣ будутъ принуждены итти впередъ, онѣ будутъ принуждены итти въ согласіи. Такъ какъ исполнительная власть, прибавляетъ еще Монтескье, составляетъ часть законодательной власти только въ силу своего права останавливать, она не можетъ входить въ обсужденіе дѣлъ. Даже не необходимо, чтобы она предлагала, такъ какъ, имѣя всегда возможность не одобрить рѣшенія, она можетъ отклонить рѣшенія тѣхъ предложеній, проведенія которыхъ она не хотѣла бы»,—спять тутъ Монтескье высказываетъ принципы, совершенно идущіе въ разрѣзъ съ дѣйствительною англійскою конституціей. Но вотъ въ чемъ онъ вѣрно схватилъ сущность дѣла. «Если, говоритъ онъ, исполнительная власть дѣлаетъ постановленія о взиманіи налоговъ иначе, какъ въ силу согласія народа, свободы больше не будетъ, ибо исполнительная власть сдѣлается законодательною въ самомъ важномъ пунктѣ законодательства. Если законодательная власть дѣлаетъ постановленіе о наложеніи податей не изъ года въ годъ, а навсегда, то она рискуетъ лишиться свободы, потому что исполнительная власть не будетъ болѣе зависѣть отъ нея; а когда пользуются подобнаго рода правомъ навсегда, то довольно безразлично, пользуются ли имъ въ силу собственной власти, или въ силу чужой. То же самое будетъ и въ томъ случаѣ, когда законодательная власть постановляетъ не изъ года въ годъ, а разъ навсегда касательно сухопутныхъ и морскихъ силъ, которыя она должна ввѣрить исполнительной власти».

Такова въ представленіи Монтескье система, которую англичане, какъ онъ думалъ, нашли въ лѣсахъ тацитовской Германіи. «Не мнѣ изслѣдовать, говоритъ онъ, пользуются ли англичане въ дѣйствительности этою свободою или нѣтъ, ибо мнѣ достаточно сказать только, что она уста-

новлена ихъ законами, и болѣе я ничего не ищу». Вопросу о современныхъ ему монархіяхъ Монтескье посвящаетъ едва нѣсколько строкъ, составляющихъ слѣдующую главу: «онѣ, говоритъ онѣ, имѣютъ своею цѣлью не свободу, а славу гражданъ, страны и государя. Три власти въ нихъ не распредѣляются по способу изображенной конституціи. Въ каждомъ государствѣ существуетъ свое особое распредѣленіе, вслѣдствіе чего они болѣе или менѣе приближаются къ политической свободѣ, и если бы они не приближались, монархія выродилась бы въ деспотію». По Монтескье, Франція именно шла по пути, къ послѣдней формѣ, и онѣ думалъ водворить въ ней свободу, вдохнувъ жизнь въ старыя феодальныя учрежденія, въ дворянство и въ парламентъ, имѣя въ то же время передъ глазами образецъ англійской конституціи, обеспечивавшей ту индивидуальную свободу, которой удивлялись въ Англии и онѣ, и Вольтеръ, и многіе другіе французы. Аристократическій характеръ теоріи Монтескье сдѣлалъ то, что на нее ссылались не только прогрессивные элементы французскаго общества, но и консервативные, когда имъ пришлось защищать старыя привилегіи. Тѣмъ не менѣе на Монтескье можно смотрѣть, какъ на родоначальника политическаго либерализма новѣйшаго времени.

II. Руссо и «Общественный договоръ».

Жанъ-Жакъ Руссо родился въ 1712 г. Его отецъ былъ простой женеvскій часовщикъ, страстно увлекавшійся чтеніемъ романовъ и передавшій эту привычку своему сыну, когда послѣдній былъ еще совсѣмъ ребенкомъ. Кромѣ романовъ, оба зачитывались Плутархомъ, котораго еще отецъ Руссо комментировалъ патетическими рѣчами о любви къ отечеству и о гражданской доблести. Такимъ образомъ уже въ ребенкѣ развивались фантазія, нѣсколько приподнятое настроеніе и книжное отношеніе къ дѣйствительности.

Отець бросилъ Жанъ-Жака на произволь судьбы, когда ему едва исполнилось десять лѣтъ, и мальчику скоро пришлось испытать несправедливое и суровое обращеніе со стороны чужихъ людей; оно-то, вѣроятно, впервые и породило въ душѣ Руссо то чувство протеста противъ всякой неправды, которое впослѣдствіи исторгло изъ его души не одну краснорѣчивую тираду его сочиненій. Тогда же началась и скитальческая жизнь Руссо съ постоянными перемѣнами занятій. Довольно долгое время онъ состоялъ въ ученикахъ у гравера, грубое обращеніе котораго ожесточило его вообще противъ людей и, какъ онъ самъ признается, вдобавокъ и развратило его, сдѣлавъ его лгуномъ, обманщикомъ, воришкой и порядочнымъ трусомъ. Шестнадцати лѣтъ Руссо бѣжалъ отъ этого хозяина, боясь наказанія за одну провинность и мечтая осуществить на полной свободѣ свои вычитанныя изъ романовъ фантазіи. Началась настоящая жизнь бездомнаго бродяги. Болѣе всего привлекало его самого бездѣлье на лонѣ природы, и сильнѣе всего дѣйствовали на его впечатлительную душу простота жизни и участливое къ нему отношеніе крестьянъ во время его скитаній по деревнямъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ, впрочемъ, прожилъ около трехъ лѣтъ спокойно у пріютившей его г-жи Варенсъ, посвятивъ это время изученію латинскаго языка и философіи. Послѣ этого Руссо попрежнему мѣнялъ профессіи, учительствовалъ, занимался музыкой, ѣздилъ въ Венецію въ качествѣ секретаря къ французскому посланнику и т. п., пока на болѣе продолжительное время не поселился въ Парижѣ. Здѣсь онъ завелъ знакомство въ литературныхъ кругахъ, въ которыхъ, однако, страшно разочаровался. Къ этому же времени относится его сближеніе съ Терезой Левассеръ, простою служанкою въ гостинницѣ, гдѣ ему пришлось столоваться; приживавшихся отъ этого союза дѣтей родители отдавали въ воспитательный домъ.

Такова была жизнь Руссо, когда онъ написалъ первую свою знаменитую «диссертацию». Она, какъ извѣстно, была вызвана дижонской академіей, предложившей интересную

тему для сочиненія на премію. Въ серединѣ XVIII в. во Франціи возникло нѣсколько научно-литературныхъ обществъ, принимавшихъ названіе академій. Дижонская академія была одною изъ старѣйшихъ, и въ ней былъ развитъ нѣкоторый интересъ къ философскимъ предметамъ. Въ 1742 году она, на примѣръ, возбудила вопросъ, могутъ ли естественные законы привести общество къ совершенству безъ помощи законовъ политическихъ. Въ 1749 г. ея темой, на которую и писалъ Руссо, былъ вопросъ: «способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ»? Черезъ нѣсколько лѣтъ та же академія снова объявила конкурсную тему о происхожденіи неравенства между людьми, и Руссо, ободренный успѣхомъ первой диссертациі, за которую ему присудили премію, писалъ и на эту тему. Литературный успѣхъ, выпавшій на долю Руссо, сдѣлалъ его одною изъ знаменитостей эпохи, но онъ не могъ сжиться съ окружавшимъ его свѣтскимъ обществомъ. Онъ даже какъ бы нарочно, чтобы досадить этому обществу, разыгрывалъ роль чудака и циника. Его страшно тяготила такая жизнь, и онъ, уѣхавъ изъ Парижа, поселился недалеко отъ Монморанси, въ сельскомъ уединеніи, Эрмитажѣ, устроенномъ ему одною изъ его почитательницъ и покровительницъ. Здѣсь онъ нашелъ одиночество и природу, которую любилъ съ какою-то болѣзненною впечатлительностью, совершенно «опростился», продолжая тѣмъ не менѣе свои занятія.

Изданіе философскаго романа «Эмиль или о воспитаніи»*) стоило Руссо гоненія, воздвигнутаго на него парижскимъ парламентомъ. Когда явился приказъ сжечь эту книгу, а автора арестовать, ему оставалось только бѣжать въ Швейцарію. Здѣсь, однако, равнымъ образомъ онъ не могъ найти спокойствія. Женевскій городской совѣтъ тоже велѣлъ сжечь «Эмиля», прибавивъ къ нему и «Общественный договоръ», и отдалъ приказъ схватить автора при первомъ его появленіи на территоріи республики. Бернскій сенатъ

*) Еще раньше Руссо написалъ романъ «Новая Элоиза».

тоже изгналъ его изъ своего кантона, и Руссо нашелъ убѣжище лишь въ Невшательскомъ княжествѣ, принадлежавшемъ прусскому королю Фридриху II; здѣсь онъ поселился въ одной деревушкѣ. Но и отсюда онъ долженъ былъ выѣхать вслѣдствіе нелѣпныхъ слуховъ, ходившихъ о немъ среди крестьянъ, и вотъ, не имѣя возможности вернуться въ Женеву, отъ гражданства которой онъ притомъ торжественно отказался, онъ уѣхалъ въ Англію на зовъ философа Давида Юма (1766). Весьма скоро, впрочемъ, и съ Юмомъ Руссо поссорился. Вообразивъ, будто его заманили въ Англію лишь для того, чтобы погубить, онъ бѣжалъ во Францію и лишь послѣ долгихъ скитаній могъ снова поселиться въ Парижѣ, гдѣ прожилъ еще около восьми лѣтъ, сильно бѣдствуя и уже почти совсѣмъ не занимаясь литературой. Незадолго до смерти по приглашенію одного изъ друзей, онъ переѣхалъ въ его помѣстье, гдѣ и скончался скоропостижно. Ходили слухи о томъ, что внезапная смерть Руссо была самоубійствомъ (1778). Еще въ Англіи онъ началъ писать свою «Исповѣдь», которую кончилъ незадолго до смерти.

Остановимся сначала на первой диссертациі Руссо. Въ 1749 г. дижонская академія предложила вопросъ исторической, но Руссо превратилъ его въ вопросъ философскій: служатъ ли вообще науки и искусства очищенію нравовъ? Отвѣтъ, данный имъ на этотъ вопросъ, былъ отрицательный, и въ этомъ и заключалась вся его оригинальность. Появленіе въ печати разсужденія Руссо о наукахъ и искусствахъ произвело сильную сенсацию въ обществѣ и вызвало не мало возраженій, изъ которыхъ одно принадлежало польскому королю Станиславу Лещинскому; Руссо на нѣкоторыя возраженія отвѣчалъ, по возможности смягчая и умѣряя рѣзкости своей брошюры. Въ этомъ произведеніи выразилось вполнѣ его отношеніе къ научному образованію, *его протестъ не противъ одной пустоты и испорченности свѣтскаго общества, но и противъ господства ума всей духовной жизни эпохи*, его нерасположеніе къ направленію, принятому умственнымъ движеніемъ вѣка, его

симпатія къ инстинктивной жизни населенія заброшенныхъ деревень и идеализированнаго первобытнаго состоянія. Все это мы найдемъ и во второмъ его разсужденіи— о причинахъ неравенства между людьми.

Когда Дижонская академія предложила свою вторую тему, Руссо тѣмъ болѣе долженъ былъ за нее ухватиться, что уже въ первомъ разсужденіи однимъ изъ наиболѣе опасныхъ слѣдствій образованія онъ поставилъ неравенство, возникающее изъ того, что талантъ предпочитается добродѣтели, а въ отвѣтъ польскому королю уже объявилъ неравенство источникомъ всѣхъ общественныхъ золъ: отъ него произошло богатство, отъ богатства— роскошь и праздность, а уже отъ послѣднихъ— науки и искусства. Исходнымъ пунктомъ второго трактата Руссо служитъ положеніе о равенствѣ всѣхъ людей по естественному праву, ибо если по природнымъ свойствамъ или возрасту и существуютъ неравенства въ естественномъ состояніи, то здѣсь они еще не влекутъ за собою тѣхъ послѣдствій, каковыми являются богатство, почести и власть. Въ этомъ сочиненіи Руссо сдѣлалъ попытку изобразить первобытное состояніе людей и возникновеніе гражданскаго общества: всѣ его симпатіи на сторонѣ перваго, а второе рисуется, наоборотъ, какъ какое-то паденіе, какъ утрата человѣкомъ его первоначальнаго блаженства, соединеннаго съ жизнью лишь одною животною стороною людской природы и одними естественными ощущеніями и инстинктами,—въ естественномъ состояніи всѣ добродѣтели, въ гражданскомъ—одни пороки! По мнѣнію Руссо, отъ животныхъ человѣкъ отличается не столько разумомъ, сколько свободою волею, да способностью къ совершенствованію, которую Руссо считаетъ, однако, источникомъ всѣхъ бѣдствій рода человѣческаго: безъ этой роковой способности человѣкъ вѣчно пользовался бы «спокойными и невинными днями» первобытнаго состоянія. Само сознательное существованіе казалось Руссо противоестественнымъ, и человѣкъ, который разсуждаетъ—извращеннымъ животнымъ.

«Первый, говорить Руссо, объясняя возникновение общества,—первый, кто, огородивъ кусокъ земли, выдумалъ назвать его своимъ и нашелъ такихъ простаковъ, которые ему повѣрили, былъ истиннымъ основателемъ гражданского общества. Сколько преступленій, сколько войнъ, сколько убійствъ, сколько бѣдствій и ужасовъ отвратилъ бы отъ человѣческаго рода тотъ, кто, вырвавши шесты и засыпавши канаву, закричалъ бы себѣ подобнымъ: берегитесь слушать этого обманщика! вы погибли, разъ вы забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля никому... Пока, читаемъ мы нѣсколько далѣе, люди довольствовались грубыми хижинами, пока они пользовались, какъ одеждой, звѣриными шкурами, сшиваемыми при помощи рыбьихъ костей, украшали себя перьями и раковинами, расписывали свое тѣло разными красками... словомъ, пока они предавались работамъ, которыя могли дѣлаться однимъ человѣкомъ и, довольствовались искусствами, не требовавшими соединенія многихъ рукъ, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько были къ этому способны отъ природы, и продолжали пользоваться прелестью независимыхъ взаимныхъ отношеній; но лишь только одинъ человѣкъ почувствовалъ нужду въ другомъ, лишь только стали примѣчать, что хорошо одному располагать пищею для двоихъ, равенство исчезло, водворилась собственность, обширные лѣса превратились въ веселыя поля, которыя нужно было теперь орошать потокомъ людей и на которыхъ вскорѣ увидѣли всходы рабства и нищеты, возраставшія вмѣстѣ съ посѣвами хлѣба». Въ числѣ слѣдствій такого переворота, создавшаго неравенство богатыхъ и бѣдныхъ, Руссо указываетъ на всеобщую войну и необезпеченность, когда, наконецъ, «богатый, вынужденный необходимостью, создалъ самый обдуманнѣйшій, какой только когда-либо приходилъ въ человѣческую голову, планъ—употребить въ свою пользу силы какъ разъ тѣхъ людей, которые на него нападали, превратить въ своихъ защитниковъ прежнихъ противниковъ, внушить имъ иныя правила и дать имъ другія учрежденія,

которыя были бы настолько же для него благопріятны, насколько, наоборотъ, было противъ него естественное право». И вотъ Руссо вкладываетъ богачу въ уста такого рода слова: «соединимся, чтобы защищать слабыхъ отъ притѣсненій, обуздывать честолюбцевъ и обезпечить за каждымъ то, что ему принадлежитъ; установимъ правила правосудія и мира, съ которыми всѣ должны были бы сообразоваться;... соединимъ свои силы въ одной высшей власти, чтобы она нами управляла на основаніи мудрыхъ законовъ, охраняла и защищала всѣхъ членовъ союза, отражала общихъ враговъ и поддерживала между нами общее согласіе». Но, думаетъ Руссо, выгодную сторону соединенія увидѣли всѣ, а то, что можно было обратить во зло, предусмотрѣли лишь тѣ самые люди, которые могли извлекать выгоды какъ-разъ изъ опасной стороны союза. «Таково было или должно было быть происхожденіе общества и законовъ, приготовившихъ новыя пути для слабаго и давшихъ богатому новыя силы, безвозвратно разрушившихъ естественную свободу, установившихъ навсегда законъ собственности и неравенства, сдѣлавшихъ неоспоримое право изъ ловкаго захвата и подчинившихъ на вѣки ради выгоды нѣсколькихъ честолюбцевъ весь родъ человѣческой труда, рабству и нищетѣ». Затѣмъ Руссо говоритъ о происхожденіи правительства. Внутренніе безпорядки въ рождавшемся обществѣ принудили людей «вручить отдѣльнымъ лицамъ опасный залогъ общественной власти» съ обязанностью блюсти за тѣмъ, чтобы постановленія народа приводились въ исполненіе. Конечно, «народы поставили надъ собою начальниковъ для охраны своей свободы, а не для своего порабощенія», и первые начальники были выборными, но потомъ установилась наслѣдственность должностей въ пользу богатыхъ и знатныхъ, которые и стали пользоваться своею властью произвольно. Мрачными красками описываетъ Руссо послѣдствія установленія гражданскаго общества и такъ резюмируетъ свою общую мысль: «слѣдя за развитіемъ неравенства во всѣхъ этихъ переворотахъ, мы увидимъ,

что установленіе закона и права собственности было первымъ шагомъ, учрежденіе начальства—вторымъ, а третьимъ и послѣднимъ—превращеніе законной власти во власть произвольную, такъ что въ первую эпоху было узаконено существованіе богатыхъ и бѣдныхъ, во вторую—различіе между сильнымъ и слабымъ, а въ третью—положенія господина и раба, т.-е. высшая ступень неравенства и предѣлъ, до котораго доходятъ всѣ другія неравенства». Общій выводъ Руссо тотъ, «что законамъ природы противорѣчить состояніе, при которомъ возможно, чтобы ребенокъ повѣлывалъ старцу, глупецъ управлялъ мудрымъ, и чтобы небольшая часть людей утопала въ изобиліи, когда голодная масса нуждается въ самомъ необходимомъ».

Не станемъ долго останавливаться на философскомъ романѣ Руссо «Эмиль или о воспитаніи». Руссо вообще стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что все прекрасно, когда только-что вышло изъ рукъ Творца, и все искажается въ рукахъ человѣка, т.-е. что человѣкъ по природѣ своей хорошъ, но что жизнь его всегда портитъ. Задача воспитанія, по его мнѣнію, въ томъ и состоитъ, чтобы ослабить эту порчу, но отнюдь не въ томъ, чтобы искоренять естественныя склонности человѣка. «Эмилемъ» нанесенъ былъ ударъ старой педагогикѣ и открыты въ этой области новыя перспективы. Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ книги является знаменитое «Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія», важное для характеристики религіозныхъ воззрѣній Руссо. Его религіей былъ деизмъ, но не разсудочный деизмъ Вольтера, а деизмъ, вытекающій изъ потребностей сердца, и связь идеи Бога съ моралью у Руссо иная, чѣмъ у Вольтера. Фернейскій философъ считалъ вѣру въ Бога необходимою санкціею нравственности съ чисто общественной точки зрѣнія, такъ какъ, по его мнѣнію, трудно и даже невозможно было бы управлять государствомъ, состоящимъ изъ атеистовъ, у Руссо же на первомъ планѣ внутренней голось совѣсти, этого «инстинкта души».

Переходимъ къ самому главному сочиненію Руссо: «Общественный договоръ»—весьма важный для уразумѣнія духа XVIII в. политическій трактатъ: онъ можетъ служить образцомъ того чисто рационалистическаго и абстрактнаго отношенія къ обществу, которое характеризуетъ философію эпохи. Съ другой стороны, онъ имѣлъ громадное вліяніе на политическое воспитаніе французскаго общества, и идеи этого трактата сдѣлались руководящими принципами революціи, особенно во второмъ фазисѣ ея развитія.

Въ самомъ дѣлѣ, основа «Общественнаго договора» чисто рационалистическая. «Человѣкъ, по Руссо, родился свободнымъ и вездѣ онъ въ цѣляхъ», а общественный порядокъ «не дается природою, слѣдовательно, онъ основанъ на соглашеніяхъ, потому весь вопросъ въ томъ, чтобы узнать, въ чемъ заключаются эти соглашенія». Свободно рожденный человѣкъ, изъ отвлеченнаго понятія о которомъ такимъ образомъ исходитъ Руссо, является у него вмѣстѣ съ тѣмъ существомъ преимущественно разумнымъ, т.е. Руссо не принимаетъ въ расчетъ ни тѣхъ отношеній зависимости человѣка отъ другихъ людей, среди которыхъ человѣкъ является на свѣтъ, ни того обстоятельства, что далеко не всѣ люди поступаютъ разумно, и что вообще не одинъ разумъ руководитъ человѣческими поступками: какъ разъ самые ревностные послѣдователи Руссо дѣйствовали въ послѣдствіи, руководимые прежде всего страстью. Взявъ за исходный пунктъ своего разсужденія отвлеченную личность, а не реальнаго человѣка, Руссо думалъ, однако, что онъ беретъ людей таковыми, каковы они суть на самомъ дѣлѣ, и даже особенно ставилъ это на видъ читателю. И вотъ у него люди, эти вполнѣ разумныя существа, совершенно сознательно и вполнѣ добровольно вступаютъ въ союзъ на основаніи взаимнаго договора, а затѣмъ и государство является именно такимъ союзомъ, имѣющимъ своею цѣлью общее благо, которое, по Руссо, не только для всѣхъ одинаково, но и всѣми одинаково понимается.

Ученіе о договорномъ происхожденіи государства существовало ранѣе Руссо: за цѣлое до него столѣтіе Гоббсъ уже отрицалъ общежительную природу человѣка, признававшуюся древними, а изъ новыхъ, напримѣръ, Гораціемъ, но зато Руссо совершенно по-своему понялъ содержаніе этого договора, не говоря уже о томъ, что у него рѣчь идетъ уже не о договорѣ между правительствомъ и народомъ, о которомъ учили кальвинистическіе и индипендентскіе писатели XVI и XVII вв.; Руссо даже совершенно отрицалъ подобный договоръ. Въ силу изначальнаго договора у него создается верховная власть народа, и хотя опять-таки въ ученіи о народовластіи Руссо имѣлъ многочисленныхъ предшественниковъ въ средніе вѣка и въ новое время, тѣмъ не менѣе и тутъ онъ особеннымъ образомъ понялъ идею, превративъ прежнее, чисто идеальное представленіе прямо въ какую-то реальную величину, такъ какъ у него вся совокупность народа является какъ бы единственной инстанціей, опредѣляющею всю будущую дѣятельность государства. Содержаніе самого общественнаго договора у Руссо выражено въ слѣдующихъ словахъ: «найти такую форму соединенія, которая защищала бы и охраняла всею своею общею силою личность и имущество каждаго своего члена и посредствомъ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы, однако, лишь самому себѣ, оставаясь столь же свободнымъ, какъ и раньше». Другими словами, по Руссо, человѣкъ долженъ былъ бы сохранять въ государствѣ всю свободу естественнаго состоянія; но въ той же самой главѣ, гдѣ дана приведенная формула, основнымъ условіемъ договора считается «совершенное отчужденіе личностью всѣхъ своихъ правъ въ пользу общества и при томъ отчужденіе безъ какихъ бы то ни было ограниченій, ибо, поясняетъ Руссо, «если бы у частныхъ лицъ оставались какія-либо права, то въ виду отсутствія высшаго трибунала, который могъ бы разрѣшать споры между нимъ и обществомъ, каждый, будучи нѣкоторымъ образомъ собственнымъ судьей, вообразилъ бы себя скоро и судьей всѣхъ». Руссо

думаетъ, впрочемъ, что «когда каждый отдаетъ себя въ распоряженіе всѣхъ, онъ въ сущности не отдается никому». «Разъ, разсуждаетъ онъ еще, носитель верховной власти (le souverain, т.-е. народъ) состоитъ изъ образующихъ его частныхъ лицъ, у него нѣтъ и быть не можетъ интересовъ, противоположныхъ ихъ интересамъ, и слѣдовательно нѣтъ надобности, чтобы верховная власть была обставлена гарантіями со стороны подданныхъ, ибо невозможно, чтобы тѣло захотѣло вредить всѣмъ своимъ членамъ» (какъ будто большинство не могло бы нарушать правъ меньшинства или единичныхъ лицъ). Во всякомъ случаѣ индивидуальная свобода въ государствѣ Руссо ничѣмъ не обезпечивается. Далѣе, прежнія ученія о народовластіи оставляли за правительствомъ самостоятельное значеніе, но у Руссо суверенитетъ народа понимается не въ смыслѣ первичной основы власти, а въ смыслѣ самаго непосредственнаго ея пользованія, и державный народъ, какъ совокупность всей массы гражданъ, проявляетъ непосредственно законодательную власть. У Гоббса народъ передаетъ абсолютную власть надъ собою правительству, у Руссо, наоборотъ, эта власть сохраняется всецѣло народомъ. По опредѣленію, данному въ «Общественномъ договорѣ», эта верховная власть народа неотчуждаема, недѣлима, непогрѣшима, неограничима. Вотъ какъ самъ Руссо говоритъ обо всемъ этомъ. «Верховная власть, будучи лишь проявленіемъ общей воли, никогда не можетъ быть отчуждаема, и государь (le souverain, т.-е. носитель верховной власти, а у Руссо это—весь народъ), какъ существо собирательное, можетъ быть представляемъ только самимъ собою: власть можетъ еще передаваться, но не воля... По той же причинѣ, по которой верховная власть неотчуждаема, она и недѣлима, ибо воля есть общая или ея нѣтъ, т.-е. она есть воля всего народа или его части». Руссо дѣлаетъ здѣсь примѣчаніе такого рода: «для того, чтобы воля была общей, нѣтъ надобности, чтобы она всегда была единодушна, но необходимо, чтобы всѣ голоса были сосчитаны»; но вообще опредѣленіе «общей воли» у него

очень неясно, и если онъ отличаетъ ее отъ «воли всѣхъ», то онъ все-таки не показываетъ, какимъ образомъ можетъ возникнуть общая воля тамъ, гдѣ существуютъ разныя классы, партіи и частныя интересы, образующіе неодинаковыя воли. «Общая воля, думаетъ онъ далѣе, всегда права и постоянно стремится къ общественной пользѣ.. Народъ всегда желаетъ собственнаго блага; но не всегда его видитъ: никогда нельзя подкупить народъ, но его можно обмануть, и лишь тогда кажется, будто онъ желаетъ того, что дурно». «Какъ природа, наконецъ, даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, общественный договоръ даетъ политическому тѣлу надъ всѣми его членами такую же абсолютную власть, и она-то, направляемая общею волею, носить названіе верховной власти». Однимъ словомъ, государственный абсолютизмъ у Руссо переносится на весь народъ: свободу народа онъ смѣшиваетъ съ властью народа, а равенство понимаетъ не въ смыслѣ равенства гражданскихъ правъ, а въ смыслѣ равенства во власти, и цѣлью равенства у Руссо является не пользованіе личною свободою и индивидуальными способностями, а непосредственное участіе во власти, т.-е. лишь бы всѣ были равны во власти, а тамъ пускай послѣдняя будетъ безпредѣльна, какъ бы Руссо при этомъ не оговаривался въ томъ смыслѣ, что общая воля, руководимая разумомъ, и потребовать не можетъ, чтобы на личность были наложены бесполезныя цѣпи. Между прочимъ, въ самомъ концѣ «Общественнаго договора» есть глава о гражданской религіи. Руссо находитъ, что христіанство, отвлекая сердца людей отъ всего земнаго, отрываетъ ихъ и отъ государства,—и потому считаетъ необходимымъ, чтобы верховная власть установила чисто гражданское исповѣданіе вѣры съ правомъ изгнанія изъ государства всякаго, кто не станетъ вѣрить въ ея заповѣди, какъ человѣка непригоднаго къ общественной жизни, а «если, продолжаетъ Руссо, кто-либо, публично признавъ догматъ этой религіи, будетъ вести себя такъ, какъ будто онъ въ нихъ не вѣритъ, долженъ быть наказанъ

смертью, какъ человѣкъ, который совершилъ величайшее преступленіе, солгавъ передъ законами». Въ число догматовъ этой религіи (вѣра въ Бога, въ безсмертіе души, въ загробное воздаяніе и въ святость общественнаго договора и законовъ) Руссо включаетъ запрещеніе нетерпимости, и тотъ, кто вѣритъ, что внѣ церкви нѣтъ спасенія, по его мнѣнію, долженъ быть прямо изгоняемъ изъ государства. Врагъ нетерпимости, Руссо не замѣчаетъ, какъ онъ самъ вводитъ нетерпимость въ свою государственную религію. Такимъ образомъ, его политическая теорія, проповѣдая самое широкое народовластіе, соединяетъ послѣднее въ сущности съ отрицаніемъ индивидуальной свободы.

Эта теорія существеннымъ образомъ отличается отъ ученія Монтескье. Авторъ «Духа законовъ» признаетъ за народомъ право участія въ законодательствѣ, но въ формѣ представительства и подъ условіемъ раздѣленія властей; наоборотъ, Руссо былъ сторонникомъ непосредственнаго народовластія и неограниченности государственной власти античныхъ республикъ. Монтескье отказывался признавать чистыя демократіи древняго міра свободными республиками, но на политическомъ мышленіи Руссо, какъ и на другихъ политическихъ писателяхъ эпохи сильно сказывалось вліяніе именно классическихъ образцовъ, и та самая Англія, которая авторомъ «Духа законовъ» ставилась въ примѣръ свободнаго государственнаго устройства, у Руссо и у другихъ политиковъ того же направленія (напримѣръ, у Мабли) являлась, наоборотъ, примѣромъ, котораго слѣдуетъ остерегаться. «Верховная власть, говоритъ Руссо, не можетъ быть представляема», а потому «депутаты народа не могутъ быть его представителями, ибо они суть только его приказчики, не имѣющіе права дѣлать окончательныхъ постановленій. Всякій законъ, не утвержденный непосредственно народомъ, не имѣетъ силы; это и не законъ вовсе. Англійскій народъ воображаетъ себя свободнымъ и глубоко заблуждается: онъ свободенъ лишь во время выборовъ въ парламентъ, но едва только выборы кончаются, онъ дѣлается рабомъ, онъ

ничто. Въ короткія минуты своей свободы онъ пользуется ею такъ, что вполнѣ заслуженно ее теряетъ». Кромѣ того, признавая недѣлимость верховной власти, онъ вооружается противъ извѣстнаго ученія Монтескье о раздѣленіи властей. Наши политики, говоритъ онъ, «дѣлаютъ изъ суверена существо фантастическое, какъ бы составленное изъ разныхъ кусковъ, какъ если бы они стали составлять человѣка изъ многихъ тѣлъ, изъ которыхъ у одного были бы лишь глаза, у другого руки, у третьяго ноги и больше ничего. Рассказываютъ, что японскіе фокусники разрубаютъ ребенка на глазахъ зрителей, бросаютъ въ воздухъ его члены одинъ за другимъ и получаютъ въ свои руки ребенка живымъ и невредимымъ. Таковы приблизительно и фокусъ-покусы нашихъ политиковъ: расчленивъ общественное тѣло чудеснымъ способомъ, достойнымъ показанія на ярмаркахъ, они опять соединяютъ его куски неизвѣстно какимъ образомъ».

Все дѣло въ томъ, далѣе, что у Монтескье исполнительная власть пользуется самостоятельностью по отношенію къ власти законодательной, тогда какъ у Руссо исполнительная власть, или правительство въ тѣсномъ смыслѣ, является лишь вполнѣ зависимымъ приказчикомъ сувереннаго народа. Если, съ другой стороны, у Гоббса народъ отказывается въ пользу правительства цѣликомъ отъ своей верховной власти, то у Руссо послѣдняя, какъ было сказано, остается за народомъ. Авторъ «Общественнаго договора» считаетъ поэтому деспотіей всякую государственную форму, при которой верховная власть не принадлежитъ народу, а республикою называетъ всякое государство, гдѣ сувереномъ является народъ, хотя бы правительство было монархическое, развѣ только правитель есть лишь простой исполнитель воли державнаго народа. И классификація формъ правленія у Руссо отличается отъ общеупотребительной; въ ея основу положено не то, кому принадлежитъ верховная власть, а то, изъ кого состоитъ правительство, и съ этой точки зрѣнія демократическимъ правленіемъ было бы такое, при которомъ

всѣ граждане, имѣя законодательную власть, пользовались бы сверхъ того и правомъ приводить въ исполненіе законы. Самъ Руссо, однако, находитъ, что «если бы существовалъ народъ боговъ, то онъ управлялся бы демократически», но что «такое совершенное правленіе не подходитъ къ людямъ». Другими словами, правительствомъ не можетъ быть весь народъ. Различая въ государствѣ законодательную и исполнительную власти, какъ волю и силу, Руссо вообще называетъ «правительствомъ, или высшей администраціей законное пользованіе исполнительною властью, а правителемъ (prince) или магистратомъ лицо или учрежденіе, на которое возложена эта администрація». Онъ отрицаетъ при этомъ существованіе договора между народомъ и правительствомъ, такъ какъ есть только одинъ первоначальный договоръ, образующій государство, и всякій другой былъ бы лишь его нарушеніемъ. Дѣлая весь народъ единственнымъ носителемъ неограниченной верховной власти по отношенію къ отдѣльной личности, Руссо, наконецъ, лишаетъ и правительство не только всякой самостоятельности по отношенію къ суверенному народу, но и всякой устойчивости. Именно, дабы правительство не могло захватить верховную власть и сдѣлаться деспотическимъ, Руссо совѣтуетъ, чтобы народъ время отъ времени самъ собою собирался и чтобы на его собраніяхъ непремѣннѣйшимъ образомъ ставились и пускались на голоса два вопроса: желаетъ ли державный народъ сохранить данную правительственную форму и желаетъ ли онъ оставить исполнительную власть въ рукахъ лицъ, которымъ она въ данный моментъ ввѣрена? Мало того: народъ всегда можетъ нарушить и самый договоръ, на которомъ основано государство. Такимъ образомъ, однѣми сторонами своей теоріи узаконяя деспотизмъ государства надъ личностью, другими сторонами той же теоріи Руссо вводитъ въ государственную жизнь начало анархіи,—до такой степени въ немъ уживались противорѣчія,—и его теорія поэтому была не столько теоріей государства, сколько теоріей революціи.

Прибавимъ еще, что Руссо не отрицалъ монархію или королевскую власть, какъ государственную форму, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже предпочитая ее коллективному правительству, но его монархъ—не государь (*souverain*), а республиканскій сановникъ, хотя и называющійся королемъ. Подобная королевская власть съ верховенствомъ сувереннаго народа существовала въ Польшѣ, гдѣ роль такого народа играла, какъ извѣстно, шляхта. По просьбѣ поляковъ Руссо написалъ объ ихъ государственномъ устройствѣ особое сочиненіе («*Considérations sur le gouvernement de Pologne*»), въ которомъ онъ вообще выразилъ сочувствіе польской республиканской монархіи.

III. Аббатъ Мабли.

Мы не станемъ такъ подробно останавливаться на аббатѣ Мабли (1709—1785) и на отдѣльныхъ его сочиненіяхъ. Скажемъ только, что это былъ не только политикъ, но и моралистъ и историкъ: ограничимся лишь общей характеристикой его политическаго ученія, оказавшаго большое вліяніе на дѣятелей 1789 г.

Мабли занимаетъ особое мѣсто между Монтескье и Руссо, между этими двумя теоретиками, съ одной стороны, конституціонной монархіи, съ другой, демократической республики. Какъ и Руссо, онъ былъ сторонникомъ принципа равенства, но онъ отвергалъ политическую теорію общественнаго договора, основывающуюся на непосредственномъ законодательствѣ народа; какъ Монтескье, онъ основывалъ свою политическую систему на народномъ представительствѣ и раздѣленіи властей; но совершенно такъ же, какъ и Руссо, онъ относился съ презрѣніемъ къ англійской конституціи. И среди своихъ современниковъ Мабли стоялъ одиноко, находясь въ ссорѣ съ главными представителями

умственного движенія эпохи, которыхъ не щадила его критика, и съ Вольтеромъ, и съ энциклопедистами, и съ Руссо, и съ физиократами.

Не излагая здѣсь политической теоріи Мабли въ ея цѣломъ, отмѣтимъ лишь его отношеніе къ Монтескье и Руссо. Мабли былъ сторонникомъ раздѣленія властей и защищалъ этотъ принципъ отъ нападокъ на него физиократа Мерсье де ла Ривьера, но въ сущности онъ проповѣдывалъ не конституціонную монархію, а республику. Уже Монтескье косвенно содѣйствовалъ развитію республиканизма, давъ республикѣ высшій «принципъ» (доблесть) сравнительно съ монархіей (чувство чести) и назвавъ королевскую власть просто исполнительною, что заключало въ себѣ нѣкоторое ея приниженіе передъ законодательною властью народныхъ представителей. У Монтескье, кромѣ того, высказывалось и нѣкоторое недовѣріе къ королевской власти, разъ онъ рекомендовалъ смотрѣть на королевскихъ совѣтниковъ, какъ на людей, совершенно чуждыхъ законодательному учрежденію. Мабли, отстаивая принципъ равновѣсія властей и ссылаясь на англійскую конституцію въ доказательство возможности этого раздѣленія, въ сущности, однако, понималъ это отношеніе въ смыслѣ простого подчиненія исполненія законодательству, такъ какъ между обоими, по его мнѣнію, должно быть полное согласіе, безъ чего непременно явилась бы анархія. Съ другой стороны, онъ рекомендовалъ ослабить исполнительную власть раздѣленіемъ ея между разными независимыми однѣ отъ другихъ администраціями. Онъ былъ, въ сущности, противникомъ англійской конституціи и противопоставлялъ ей шведскую какъ-разъ за то, что въ ней были принижены монархическая власть и королевское достоинство. По его мнѣнію, это было даже образцовое произведеніе новаго законодательства, потому что, говорилъ онъ, шведскій сеймъ, гораздо болѣе мудрый, чѣмъ англійскій парламентъ, присвоилъ себѣ всю законодательную власть, а исполнительную власть отдалъ королю совмѣстно съ сенатомъ, приложеніе печати котораго

замѣняло подпись короля въ отсутствіе послѣдняго, или если онъ заставлялъ долго ожидать подписи, пока не было принято въ случаѣ королевскаго отказа замѣнять эту подпись приложеніемъ штемпеля. Тѣмъ не менѣе Мабли былъ сторонникомъ монархіи, въ которой видѣлъ гарантію противъ тираніи какого-либо сословія или какой-либо партіи. Полякамъ онъ даже совѣтовалъ ввести у себя наследственную королевскую власть, вмѣсто избирательной, о объявить особу монарха священною и неприкосновенною, хотя въ то же время онъ и имъ доказывалъ, что королю и сенату не нужно давать ни малѣйшаго участія въ законодательной власти: «всякій законодатель долженъ, говоритъ онъ, исходить изъ того принципа, что исполнительная власть была, есть и вѣчно будетъ врагомъ власти законодательной». Такимъ образомъ, Мабли весьма категорически высказывается противъ королевскаго veto, т.-е. права неутвержденія принятыхъ представителями законовъ, которому Монтескье, наоборотъ, приписывалъ большое значеніе.

Что касается до законодательной власти, то она, по Мабли, должна принадлежать народу; онъ, напримѣръ, полемизировалъ противъ фізіократа Мерсье де ла Ривьера, который доказывалъ, что естественная склонность людей къ несправедливости и тираніи мѣшаетъ имъ быть законодателями. Мабли желалъ, однако, чтобы при народномъ верховенствѣ гражданинъ могъ не повиноваться несправедливымъ законамъ и имѣлъ поэтому право подвергать законы своей критикѣ. Въ этомъ отношеніи Мабли рѣзко отличается отъ Руссо, отнюдь этого не допускавшаго. Далѣе, авторъ «Общественнаго договора» былъ противникомъ представительной системы, которая казалась Мабли, наоборотъ, единственнымъ средствомъ основать политическую свободу, либо, говоритъ онъ, когда самъ народъ создаетъ свои законы, ему ничего не стоитъ относиться къ нимъ съ презрѣніемъ, а потому законодательная власть и должна быть ввѣрена лицамъ, выбраннымъ для того, чтобы представлять народъ. Въ чистой демократіи, пишетъ онъ, «на пло-

щадя создаются постановленія столь же несправедливыя и нелѣпыя, какъ и въ турецкомъ диванѣ». При такомъ государственномъ устройствѣ каждый гражданинъ можетъ предлагать свои фантазіи, чтобы превращать ихъ въ законы, а свойства толпы таковы, что всѣ дѣла рѣшаются въ ней въ безразсудномъ порывѣ. Здѣсь, прибавляетъ онъ, «гражданинъ, всегда склонный къ смѣшенію своеволія и свободы, боится наложить на себя слишкомъ тяжелое ярмо посредствомъ собственныхъ же законовъ, и видитъ въ саванникахъ лишь слугъ своихъ страстей. Народъ знаетъ, что ему въ дѣйствительности принадлежитъ верховная власть, и у него будутъ потакатели и льстецы и, слѣдовательно, всѣ предразсудки и пороки деспота... Демократія сообщаетъ душѣ импульсы, создающіе героизмъ, но при отсутствіи правилъ и просвѣщенія эти импульсы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ предразсудками и страстями. Не ищите у этого народа-государя характера, ибо у него найдете только легкомысліе и непостоянство... Всѣ установленія, всѣ законы, которыми онъ будетъ стараться сохранить свою свободу, будутъ въ сущности лишь новыми ошибками, которыми онъ будетъ поправлять старыя ошибки, а потому онъ всегда рискуетъ быть обманутымъ ловкимъ тираномъ или подпасть подъ власть сената съ введеніемъ аристократіи въ перспективѣ». Противъ чистой демократіи Мабли приводитъ, кромѣ соображеній психологическаго характера, и историческія свидѣтельства, заимствованныя изъ изученія классическаго міра.

Говоря о политическихъ воззрѣніяхъ писателей XVIII в., нельзя не упомянуть о вліяніи на нихъ со стороны республиканскихъ идеаловъ античнаго міра. Никогда классицизмъ въ политикѣ, если можно такъ выразиться, не былъ столь силенъ, какъ въ разсматриваемую эпоху и позднѣе, во время французской революціи. Увлеченіе древностью въ области политическихъ стремленій никогда не было такъ сильно, какъ въ XVIII в. Руссо, властвовавшая надъ умами, была поклонникомъ Спарты, Аѳинъ и рес-

публиканскаго Рима, прославлялъ ихъ учрежденія, преклонялся передъ ихъ законодателями. И Мабли, равнымъ образомъ, приучалъ общество проникаться воззрѣніями и даже настроеніемъ античныхъ республиканцевъ, насколько это настроеніе представлялось читателямъ въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ съ извѣстною примѣсю морализирующихъ разсужденій или риторическихъ украшеній, относившихся къ такимъ понятіямъ, какъ «отечество», «доблесть», «гражданинъ» и т. п. Жизнеописанія Плутарха дѣлались такимъ же источникомъ нравственнаго и политическаго назиданія. Читались еще Тацитъ и Светоній, и по нимъ учились ненавидѣть деспотизмъ. Эта мода дѣйствовала и на подростающее поколѣніе. «Еще ребятами, писалъ одинъ изъ дѣятелей 1789 г., мы вращались въ обществѣ Ликурга, Солона, обоихъ Брутовъ и удивлялись имъ, а достигши зрѣлаго возраста, мы о томъ лишь и думали, чтобы имъ подражать».

4. Физіократы.

Въ XVIII в. область общественныхъ наукъ расширилась, благодаря возникновенію новой науки—политической экономіи. Настоящимъ ея основателемъ считаютъ обыкновенно Адама Смита, автора «Богатства народовъ», вышедшаго въ свѣтъ въ 1776 г., но уже за десять лѣтъ передъ тѣмъ (1766) Тюрго въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ» сдѣлалъ первую попытку систематическаго изложенія естественныхъ законовъ, управляющихъ народнымъ хозяйствомъ, мысль же о самихъ этихъ законахъ принадлежитъ вообще французской школѣ физіократовъ, родоначальникомъ которыхъ былъ придворный врачъ Людовика XV, Кенэ. Къ этой школѣ принадлежали всѣ наиболѣе выдающіеся экономическіе писатели передъ французскою революціей.

Основатель фізіократіи, Кенэ, родившійся въ 1694 и умершій въ 1774 г., издалъ въ 1758 г. въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ «Экономическую таблицу», гдѣ изложилъ основы всей фізіократической теоріи; затѣмъ слѣдовали его «Общія правила экономическаго правленія въ земледѣльческомъ государствѣ». Къ школѣ, какъ только-что было упомянуто, принадлежалъ и Тюрго, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII вѣка, экономистъ, философъ и государственный человекъ, министр-реформаторъ первыхъ лѣтъ царствованія Людовика XVI. Другимъ виднымъ представителемъ фізіократіи былъ Дюпонъ де-Немуръ, издатель сочиненій Кенэ, напечатавшій въ 1778 г. «Фізіократію или естественное устройство наиболѣе выгоднаго для человѣческаго рода правленія». Далѣе слѣдуетъ назвать Мерсье де-ла-Ривьера, автора «Естественнаго и существеннаго порядка политическихъ обществъ». Однимъ изъ рьяныхъ приверженцевъ фізіократіи былъ также Мирабо, отецъ знаменитаго дѣятеля революціи, еще ранѣе Кенэ высказывавшій многія фізіократическія мысли и примкнувшій къ его школѣ и авторъ періодическаго «Друга людей», сдѣлавшагося его собственнымъ прозвищемъ.

«Фізіократія» значитъ «господство природы». Это названіе возникло въ связи съ общимъ стремленіемъ мыслителей XVIII в. къ отысканію естественныхъ началъ въ религіи, морали, правѣ и политикѣ: фізіократія была «естественнымъ устройствомъ правленія», «естественнымъ порядкомъ обществъ» (какъ значилось въ приведенныхъ заглавіяхъ фізіократическихъ книгъ), «естественнымъ теченіемъ хозяйственной жизни», которое противопоставалось тогдашней экономической политикѣ. Это была реакція противъ меркантилизма, съ которымъ новая экономическая доктрина расходилась по всѣмъ пунктамъ. Меркантилизмъ выше всего ставилъ торговлю и промышленность, тогда какъ фізіократы выдвигали на первый планъ земледѣліе, считая землю и заключенныя въ ней силы природы «единственнымъ источникомъ богатствъ». По ихъ теоріи, лишь

«одинъ трудъ на землѣ приносить «чистый доходъ», этотъ плодъ естественныхъ силъ, котораго не даютъ ни обрабатывающая промышленность, ни торговля, а потому, говорили физиократы, лишь одни землевладѣльцы, улучшающіе почву, и земледѣльцы, ее обрабатывающіе, составляютъ настоящій «производительный» классъ общества, тогда какъ всѣ остальные, получающіе плату за свои услуги изъ «чистаго дохода», создаваемого сельскимъ хозяйствомъ, суть классы «непроизводительные». Еще при жизни главныхъ физиократовъ Адамъ Смитъ положилъ начало болѣе правильному воззрѣнію на эти предметы, доказавъ, что факторами производства вмѣстѣ съ землею (т.-е. естественными силами природы) являются капиталъ (т.-е. сбереженія, безъ которыхъ немислимо никакое производство) и трудъ. Кромѣ того, онъ создалъ болѣе широкое понятіе народнаго хозяйства, охватывающее и земледѣліе съ скотоводствомъ, и промышленность, и торговлю. Наконецъ, онъ нашелъ и болѣе вѣрный принципъ для причисленія тѣхъ или другихъ людей къ производительнымъ классамъ. Въ одномъ отношеніи, однако, и Адамъ Смитъ стоялъ на точкѣ зрѣнія физиократовъ, именно возставая противъ правительственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь. Меркантилизмъ былъ системою самой широкой правительственной регламентаціи въ областяхъ промышленности и торговли; ни производство, ни обмѣнъ продуктовъ не были предоставлены свободной инициативѣ, тогда какъ и физиократы, и Адамъ Смитъ, наоборотъ, стояли за экономическую свободу. Гурнэ, одинъ изъ французскихъ экономистовъ, не принадлежавшихъ, впрочемъ, къ физиократамъ, выразилъ стремленіе къ экономической свободѣ въ знаменитомъ изреченіи «laissez passer, laissez faire», т.-е. дайте свободу производству, дайте свободу торговлѣ. Физиократы, какъ и Адамъ Смитъ, требовали, чтобы хозяйственная жизнь была предоставлена своему естественному теченію, и чтобы частная инициатива ничѣмъ не стѣснялась, полагая, что личный интересъ—лучшій указатель для cadaго,

что и какъ ему дѣлать, и вѣря въ то, что свободная конкуренція служитъ только общественному интересу. Роль правительства въ экономической жизни физиократы понимали не въ томъ смыслѣ, чтобы оно должно было законодательствовать, а въ томъ, чтобы признавать и провозглашать «естественные законы». Лишь позднѣйшій опытъ показалъ, что въ такихъ расчетахъ сдѣланы были ошибки, хотя въ отрицательной части своего ученія, нападавшаго на тогдашніе порядки, экономисты XVIII в. и были правы.

Естественный порядокъ казался физиократамъ и единственно разумнымъ, такъ какъ онъ былъ наиболѣе выгоднымъ для людей. Принципы школы находились въ противорѣчьи не только съ теоріей и практикой меркантилизма, но и съ массой другихъ сторонъ стараго порядка. Физиократы были принципиальными противниками сословныхъ привилегій, феодальныхъ правъ, стѣснявшихъ сельское хозяйство, цеховыхъ монополій, старой финансовой системы (рекомендуя замѣнить всѣ налоги однимъ поземельнымъ, который падалъ бы на «чистый доходъ» націи), и т. п., т.-е. вообще противниками того экономического порядка, который господствовалъ тогда во Франціи. Что касается до политическихъ воззрѣній физиократовъ, то у нихъ мы встрѣчаемся съ сочувствіемъ къ просвѣщенному абсолютизму и, напри- мѣръ, многія свои идеи Мабли высказалъ прямо въ полемикѣ съ Мерсье де-ла-Ривьеромъ, стоявшимъ, какъ онъ самъ выражался, за «легальный деспотизмъ».

Въ своемъ увлеченіи господствомъ природы въ народномъ хозяйствѣ физиократы называли только одинъ классъ земледѣльцевъ (*laboueurs*) производительнымъ, окрестивъ всѣхъ городскихъ жителей названіемъ бесплоднаго класса. Дѣло въ томъ, что въ основу своего ученія они положили дѣленіе общества не на основаніи положенія отдѣльныхъ классовъ, какъ получающихъ ренту собственниковъ, извлекающихъ процентъ изъ своихъ оборотовъ капиталистовъ и живущихъ платой за свой трудъ рабочихъ, а на основаніи существованія въ обществѣ различныхъ

занятій: фізіократы были представителями сельскаго хозяйства въ его противоположеніи къ обрабатывающей промышленности и потому представителями всего сельскаго населенія въ противоположеніи горожанамъ. По этой причинѣ крестьянскій вопросъ, какъ таковой, не могъ быть выдѣленъ ими изъ вопроса агрономическаго: вѣдь земледѣліемъ, или, вѣрнѣе, сельскимъ хозяйствомъ занимались лица очень различнаго положенія въ обществѣ. Далѣе, фізіократія была именно проповѣдью крупнаго хозяйства. Уже Кенэ считалъ нормальнымъ такой порядокъ вещей, при которомъ земли, обрабатывающіяся подъ посѣвы, соединяются въ большія фермы, только богатые фермеры составляютъ, по его мнѣнью, силу и могущество націи, только они могутъ дать занятіе рабочимъ рукамъ и удержать въ деревнѣ жителей; при этомъ Кенэ объясняетъ, что подъ словами «богатый фермеръ» не слѣдуетъ понимать работника, который самъ пашетъ, а именно хозяина, имѣющаго наемныхъ рабочихъ; всѣ мелкіе хозяева должны были поэтому превратиться въ батраковъ, работающихъ на крупныхъ фермеровъ, которые и суть «истинные земледѣльцы». По словамъ другого экономиста (аб. Бодо), «въ обществѣ, истинно благоустроенномъ на основахъ экономическихъ принциповъ», должны существовать простые земледѣльческіе рабочіе, которые жили бы только своимъ трудомъ. Отождествляя землю и землевладѣльца, интересы земледѣлія и интересы сельскихъ хозяевъ, экономисты поэтому, говоря объ интересахъ производительнаго класса, большею частью имѣли въ виду именно только фермеровъ. Отсюда недалеко было до особенной заботливости о послѣднихъ, и дѣйствительно, уже Кенэ совѣтовалъ правительству наградить фермеровъ всякими привилегіями, такъ какъ въ прогивномъ случаѣ, благодаря своему богатству, они могли бы приняты за другія занятія, а правительство должно поощрять ихъ въ занятіи земледѣліемъ. Заботясь объ увеличеніи національнаго дохода, который для фізіократовъ заключался въ суммѣ доходовъ отдѣльныхъ сельскихъ хо-

заявъ, они признавали необходимость благосостоянія рабочихъ едва лишь не потому только, что для пользы націи продукты должны потребляться какъ можно въ большемъ количествѣ. Однако, содѣйствовать увеличенію рабочей платы они не были намѣрены: Кенэ прямо рекомендовалъ для жатвы брать пришлыхъ савойскихъ рабочихъ, которые берутъ иенше своихъ,—ибо отъ этого уменьшаются расходы производства и увеличиваются доходы собственниковъ и короля, а съ ними возрастаютъ могущество націи и фондъ рабочей платы. Этотъ фондъ (*le revenu disponible*, по фізіократической терминологіи) по этой теоріи долженъ былъ доставить рабочимъ возможность лучшаго существованія. Экономисты думали такъ, видя вокругъ себя часто крайній недостатокъ въ хлѣбѣ для прокормленія народа. Они только не сумѣли отдѣлать общаго накопленія капиталовъ отъ обогащенія въ частности землевладѣльцевъ и крупныхъ фермеровъ; наблюдая вокругъ себя одну бѣдность, желая поднять національное богатство, они обращали вниманіе исключительно на количество продуктовъ, находившихся въ странѣ, безъ всякаго отношенія къ ихъ распредѣленію. Необходимость капиталовъ на ихъ языкѣ переводилась въ необходимость капиталистовъ. Крестьянинъ-хозяинъ рисовался имъ либо въ видѣ мелкаго собственника, едва существующаго доходами съ своей земли, либо въ видѣ половника, вѣчно находящагося въ долгу у своего землевладѣльца, а тутъ еще рядомъ съ ними жилъ безземельный батракъ, которому ни тотъ, ни другой не могли доставить работы: по мнѣнію фізіократовъ, крупное фермерство, обогащая государство, лучше всего и могло бы занять свободныя руки безземельнаго крестьянства. Что касается до нищеты послѣдняго, то причину ея фізіократы видѣли исключительно въ финансовомъ гнетѣ.

Фізіократы вообще вѣрили въ то, что «господство природы», «естественный порядокъ», свобода экономическихъ отношеній при наиболѣе выгодномъ способѣ пользования землею въ смыслѣ улучшенія системы хозяйства и

увеличенія чистаго дохода создадутъ всеобщее благосостояніе, какъ вѣрили Адамъ Смитъ и его школа, что для достиженія общаго блага нужна только свобода частнаго интереса и свободная конкуренція. XIX вѣкъ самымъ рѣшительнымъ образомъ разрушилъ вѣру въ гармонію естественнаго порядка.

СПбГУ

00005000

ЮФ СПбГУ